

(658)
20 февраля 2012 года

Когда появляется
второе дыхание...

Уметь справиться
с любым временем.

Все пропущено
через собственное сердце.

проза Судьба стучится дважды

Сборник из четырнадцати рассказов **Марии Метлицкой «Второе дыхание»** (издательство «Эксмо») продолжает вечную тему отношений мужчины и женщины, однако в несколько ином ракурсе: когда кажется, что жизнь заканчивается и ничего уже нельзя изменить, вдруг появляется второе дыхание, которое становится возможным не только благодаря новым событиям и встречам, но и надежде, часто подознавательной, что все еще впереди...

Вспоминается М. М. Бахтин с его знаменитой фразой «Пока человек жив, он живет тем, что еще не завершил и еще не сказал своего последнего слова».

Рассказы «Он и она», «Случайные обстоятельства», «Первое января», «Куринный бог», «Внеплановая поездка» - все об этом. И, конечно же, самый первый из них, давший название первой сборнику.

Героиня М. Метлицкой - женщина. Современная, самостоятельная, умная и чаще всего одинокая, причем в возрасте, сильно превышающем базисный. Эти женщины уже не раз входили в горящую избу, и коня на скаку, и т. д. и т. п. Чего только не было в жизни у этих сильных женщин с одной общей чертой: они уже не верят в любовь. В лучшем случае иронизируют «любовь-морковь», пребывая в уверенности, что любовь не для них, как вдруг... И тут начинается сказка.

Каждая история, не только «Первое января», могла бы стать новогодней. В книге «Второе дыхание» вскрываются дружные, которые могут выстрелить в экранную постановку - в каждом рассказе заложены основы для сценария фильма. Образы выписаны отлично, осталось проветрить кастинг и снимать кино. Хорошее, своевременное и, возможно, не только женское. Конечно, мелодрама у Метлицкой - основа жанра, но осваивает его автор с фанатизмом. С утилитарностью психотерапевта, со скальпелем хирурга. Со смыслом «общей реанимации» (есть такое отделение в многопрофильной больнице).

Если продолжить аналогию писательницы-врача Татьяны Соломатовой «Весь мир - больница, а люди в нем пациенты», то писатель - «лечащий врач»...

М. Метлицкая лечит правильно и грамотно, дает лекарство тем, кто хочет поверить в выздоровление. И тогда второе дыхание обязательно приходит. Каждый из рассказов сюжетно завершен. Сюжеты их разные. В каждом много конкретики. Сборник в целом представляет достаточно полную картину в новом раскрытии вечной темы.

Сборник «Второе дыхание» драматургически грамотно выстроен - две цитаты, начало и завершение:

«Проживать каждый день, просто обычный день, было все труднее и труднее. Усталость, накопившаяся за все последние годы, словно накрыла Киру тяжелым, мокрым и душным сугробом. Накрыла всю - с головой до пят, так что опустились плечи, повисли руки, и ноги еле шли, почти не отрываясь от земли. Голова болела почти каждый день».

«И еще она думает о том, что, пожалуй, никогда не была так счастлива, как сейчас. Она стыдится этих своих, как ей кажется, крамольных мыслей, но засыпает со счастливыми улыбкой и слышит, как где-то отдаленно гремит гроза. Небо вдруг светлеет от внезапных зарниц. А это значит, что, скорее всего, прольется долгожданный дождь и, наконец, принесет облегчение измученным жарой людям».

Наталья ВАКУРОВА.

«Стихи — это великое утешение»

ПОЭЗИЯ

Быть нелюбимым! Боже мой! Какое счастье быть несчастным!

Идти под дождем домой С лицом потерянным и красным.

Какая мука, благодать Сидеть за закушенной губою, Раз десять на день умирать И говорить с самим собою.

Какая жизнь - сходить с ума! Как тень, по комнате шататься!

Какое счастье - ждуть письма По месяцам - и не дожидаться.

Кто нам сказал, что мир у ног Лежит в слезах, на все согласен?

Он равнодушен и жесток, Зато воистину прекрасен. Что с горем делать мне моим?

Спи, с головой в ночи укройся. Когда б я не был счастливым им, Я разлюбил тебя, не бойся!

Нет в этих строках гудения времени, полагали зоилы, только камерность, мелкотемье. Даже ироничность, интеллигентную улыбку лишь замечали. Да, стихи Кушнера нискогда не были пафосными. Поэт сдержан, чувства полускрыты, он умеет их маскировать, прятать, не выставляя наружу. Он тяготеет к простым, обыденным вещам. По его любимому Петербургу, почти фотографически отраженному во множестве стихотворений, можно изучать

город. Как есть Петербург Достоевского, так есть и Кушнера. Однако при всей простоте поэзии Кушнера от читателя она требует большой культуры, иначе многие строки останутся непонятными. В стихах много отсылок к истории мира и литературы, переключек, немало имен и событий. При этом поэт чужд модным формальным экспериментам, пустому словотворчеству, белому стиху, верлибру. Он - приверженец классической поэзии. Иосиф Бродский писал: «Александр Кушнер - один из лучших лирических поэтов XX века, и его имени суждено стоять в ряду имен, дорогих сердцу всякого, чей родной язык русский». А вот мнение Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Кушнер - поэт жизни, во всех ее проявлениях. И в этом одно из самых притягательных свойств его поэзии».

Для него не характерны жалобы на жизнь, на ее бессмысленность, но он и не сторонник розового взгляда на действительность. Он писал:

И если в ад я попадаю, Есть наказание в аду И для меня: не лед, не пламя! Игновенья те, когда я мог Рискнуть, но стыл и тер висок,

Опять пройдут перед глазами.

Все счастье, сколько упустил, В саду, в лесу и у перил, В пути, в гостях и темном море...

Есть казнь в аду, таким, как я: То рай прошедшего житья, Тоска о смертном недоборе.

Это из ранних стихов, а вот недавнее:

Как римлянин, согласный с жизнью в целом, Живи себе пристойно, день за днем, Благополучный день отметив милом, А неблагоприятный день улем.

Да будет календарь, как ставль березы, Бел, кое-где лишь черные видны На нем пометы, - что ж, нужны и слезы, И боль, и гнев.

Как римляне умны!

Их строки считают, что из жизни По меньшей мере сто ведут дверей,

А в жизнь - одна. Поэтом не кисни, Не жалуйся, живущий, не робей.

В любой момент на волю можно выйти, Через дверной перешагнуть порог - И звездные тебя обхватят нити, Космический обнимет холодок.

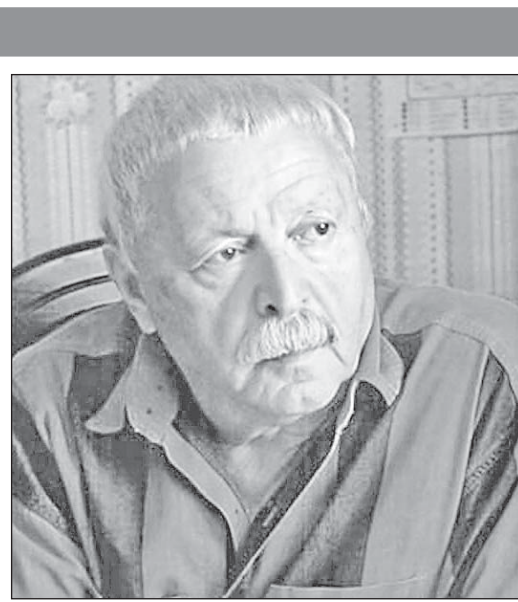
Поэт говорил в одном из интервью: «Человеческое достоинство заключается в том, чтобы уметь справиться с любым временем. Или тебя убьют, казнят, сошлют, или все обойдется - но тебе дана эта жизнь, и старайся прожить ее по-человечески».

А Кушнер постоянно размышляет о поэзии. Он полагает: стихи - это великое утешение. «Поэт - это человек, постоянно занятый выпытыванием у жизни ее смысла, но в особую, поэтической, а не рассудочной, логической форме. Мирозерение поэта - это все-таки нечто текучее, проточное, не застывшее в систему: поэт опровергает себя в соседнем стихотворении. Поэзия - это сердце мира, а как известно, «ум с сердцем не в ладу».

В книге «По эту сторону таинственной черты» собраны размышления о собратях по разуму - Баратынском, Фете, Ахматовой, Мандельштаме, Пастернаке, Бродском, Шаламове. Постоянно мелькают имена Пушкина, Анненского, Некрасова, Блока... «Поэзия - не искусство поэтов, - полагает Кушнер, - она разлита в этом мире, ею пропитана жизнь с ее любовью, радостью, страданиями, отчаянием и надеждой... Поэт ничего не выдумывает, он только тем и занят, что, вопреки горю и злу, пытающимся нас разубедить в поэтическом смысле бытия, напоминаем нам о нем в стихах (и в самых мрачных - тоже)».

День за днем, год за годом Александр Кушнер творит свой лирический эпос, в котором отражается он сам, мы и наше время.

Александр ЕГОРУНИН.

Эти строки часто цитируют, но не все знают автора. Юрий Левитанский, поэт, переводчик, в январе исполнилось 90 лет со дня его рождения. Но до возраста патриарха он не дожил.

«Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино»

Позволю себе ряд ассоциаций. Левитанский - Левитан. Грустные стихи Левитанского и печальные пейзажи Левитана. Кажется, Михаил Луконин удачно назвал поэтическую манеру Левитанского «акварелью душевных переживаний». А еще был Юрий Левитан, знаменитый диктор с торжественным металлом в голосе. У Юрия Левитанского тоже был фирменный голос, со своими интонациями, не столь, конечно, оглушительный, но проникающий в душу слушателя.

Ну а теперь стрихи биографии. Юрий Давидович Левитанский родился 21 января 1922 года в украинском городке Козельске Черниговской области. Дальнейшие места обитания - Киев и Сталино (ныне Донецк). В школе мечтал быть астрономом, но стал поэтом. Учеником 7-го класса начал публиковать стихи в газетах «Социалистический Донбасс» и «Сталинский рабочий». Затем Москва, знаменитый ИФЛИ, постигал философию и литературу вместе с Твардовским, Когоном, Наровятским, Слудским, Самойловым... С 3-го курса Левитанский ушел добровольцем на фронт. Отвоевал от Москвы до Праги, сначала рядовым пулеметчиком, потом командиром. Строчил из пулемета и писал стихи - как же без поэзии! - для армейской печати.

Богатый военный опыт, однако, не стал у него доминирующей темой, как у большинства поэтов-фронтовиков. Этот опыт Левитанский как бы отрезал:

Но что с того, что я там был, в том грозном быту или не быть. Я это все почти забыть. Я это все хочу забыть. Я не участвую в войне - она участвует во мне. И отблеск Вечного огня дрожит на скулах у меня...

В разговоре как-то признался: «Я нетипичная фигура. Я давно все зачеркнул. Войну и эту тему для себя лично. Я люблю Европу, Вену, Прагу... Когда в Прагу вошли в 1968-м советские танки, я просто плакал...»

После демобилизации Левитанский жил в Иркутске, там вышли его первые поэтические сборники «Солдатская дорога», «Встреча с Москвою», «Листья летят» и другие. Приехав в Москву, он оканчивает Высшие литературные курсы. Занимается переводами. «И мы уходим в переводы, идем в киргизы и в казахи, как под песок уходят воды, как Дон Жуан идет в монахи...» - грустно писал Левитанский.

И еще он писал пародии (шутить, чтобы не плакать?), его книга пародий «Сюжет с вариантами» (1978) милая штука. Вот, к примеру, строки из пародии на Арсения Тарковского:

В лавке грека Лампринди, Там, где раки бордолез, Спит селедка в маринаде, Погурузившись в майонез. Но угрюм и неприкаян, Проявляя вольную прыть, По дорогам ходит Каин, Хочет Авеля убить...

Но Левитанский не остался пересмешником - он хотел рисовать свои собственные картины мира и бытия. Его векла «чистая поэзия». Книга «Кинематограф» (1970) окончательно утвердила за ним статус серьезного и оригинального поэта. Последующая книга «Письма Катерины, или Пролуки с Фаустом» (1981) сделала его популярным среди читателей.

Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино! Кем написан был сценарий? Что за странной фантазер, Этот разрыв гениальный и безумный режиссер?

Как свободно он монтирует различные куски ликования и отчаяния, всевыся и тоски!... И над собственною ролью плачу я, по возможности, достойно доиграть свое хочю, ведь не мелкою монетой, жизнью собственной плачу и за то, что горько плачу, и за то, что хохочу.

В творчестве Левитанского очень сильно лирическое «я» - никаких «мы», все пропущено через собственное сердце. Стих у него вольный, раскованный, с богатой романтической палитрой. И вместе с тем, как заметил Ефим Бершин, после Пушкина никто, кажется, так не любил глаголы, никто так изысканно не рифмовал, не перекатывал по строке, как волна перекатывает гальку, шурупа и звеня. Он рифмовал их виртуозно... Еще примечательные особенности: пристрастие

к литературным аллюзиям (чаще всего использовал пушкинские или лермонтовские строки), к реминисценциям (Гоголь, Достоевский, Эдгар По). Левитанский был пропитан книжной премудростью - истинный человек книги: Жить среди книг, хотя бы не читая, лишь ощущать присутствие вблизи, как близость леса или близость моря - вот лучшее из одиночеств... В то же время в стихах Левитанского ощущается биение настоящей жизни с ее вечными поисками, встречами-расставаниями, проблемами, тревогами и сумасбродством. Собирались наскоро, обнимались ласково, пели, балагурили, пили и курили. День прошел - как не было. Не поговорили. Виделись, не виделись, ни за что обиделись, помирились, встретились, шуму натворили. Год прошел - как не было. Не поговорили... Ощущение быстро проходящего времени было особенно присуще Левитанскому.

Что-то случилось, нас все покидают. Старые дружбы, как листья, опали. ... что-то тарелки давно не летают. Снежные люди куда-то пропали... Летающие тарелки, снежные люди - такая маленькая утешечка почти сквозь слезы. В последние свои годы, пришедшие на распад СССР и начало капиталистической эпохи, Левитанский был весь погружен в прессу, социологию, радио, версии, слухи. Он вбирал в себя волны времени, его напасти, ужасы, катастрофы - конечно, в ущерб своему творчеству. В оправдание говорил: «Книжек моих не издают, переводами уже ничего не зарабатываешь. Я поэт нищий, как и большинство сограждан». Возможно эмиграция Юрия Давидовича отвергла категорически: «Никогда я не уеду. Да и поздно уже - много чего в жизни я прозевал и не успел... Теперь глупо суетиться... Допишьте бы то, что в столе лежит...»

За несколько месяцев до смерти в интервью «Комсомольской правде» Левитанский говорил: «Моя тема - эволюция личности. Моё занятие в последние годы - думанье, если можно так выразиться. Заняться...»

И думать было о чем. Судьба России не могла не волновать поэта. «Давно уже пора решить кардинальный вопрос: а кто мы? Кто мы? Не Сталин, а мы?». Наши власти такие, какие мы...» И далее Левитанский повторял слова Тютчева: народ млададенец. «Что можно изменить в обществе, если оно пропитано ложью, пьянством, юродством? Я не верю, что народ наш так генетически задан на веки вечные...» - говорил он в интервью журналу «Гоним».

Нельзя обойти молчанием тему женщин, тем более что он был весьма интересным мужчиной и даже почти плейбойом. Были возлюбленные, были жены. Каждая женщина для него была не объектом наслаждения, а завораживающей, непостижимой тайной. В 64 году он встретил 19-летнюю Ирину Масковскую, и завязался любовный роман. Он ее полюбил за молодость, свою его, наверное, - за талант. Он оставил жене свою большую квартиру, библиотеку, деньги и ушел, как говорится, в одни брюки. Оставил не только жену, но и трех дочерей, старшая была ровесницей молодой возлюбленной. Можно себе представить, как все возмущались вокруг и осуждали его. Родители, бабушка и дедушка Ирины лезли на потолок: 45 лет разница, три дочери, да к тому же еврей. Но Ирина пошла наперекор всем мнениям. Они прожили вместе 10 лет, снимая чужие квартиры, и лишь в последние два года в собственной, которую дала Левитанскому. Когда его не стало, вдова дала несколько интервью, в одном из них сказала, что для нее определение любви - это нежность, от которой дышать нельзя. Не будем педантизировать дальше эту деликатную тему, лишь приведем строки из одного стихотворения, посвященного молодой жене:

Ты так молода, молода, а рядом такие соблазны, что эти мои холода несколько тебе не опасны...

А далее идут строки: «Простимся до Судного дня. Все птицы мои улетели...» Судный день пришел 25 января 1996 года. Незадолго до этого, принимая в Георгиевском зале Кремля, Левитанский сказал, что война в Чечне безразлична и нельзя замириться с гибелью мирных жителей. Другой бы на его месте захотел от верноподданнической радости и ликования перед самим собой. Закончим это повествование все же на мажорной ноте. Помните его знаменитый «Диалог о новогодней елке»? «Что происходит на свете? - А просто зима...» Ну а потом придет весна, апрель, и:

- Что же из этого следует? - Следует жить! Шить сарафаны и легкие платья из ситца. - Вы полагаете, все это будет носиться? - И полагаю, что все это следует шить...

Я деле светлый мажор: «Вальс начинается. Дайте ж, сударыня, руку». И все кружится вокруг Кружится. А в голове проясняется мысль: следует жить. Несмотря и вопреки. Наперекор трудностям, проблемам и препятствиям. И главное: Не позволяйте мне любить, а писать еще тем паче, так - а все же не совсем... Быть самим собой. Это главный девиз. Юрий БЕЗЕЛЯНСКИЙ.

Парижская затворница

переводы

«Надо Вас боготворить./ Ваши фильмы вслух хвалят» - эти строки А. Вертинского, написанные в 1935 году, посвящены Марлен Дитрих. А он, человек с безупречным вкусом, ошибаясь в оценке художественного явления не мог априори. Как и миллионы людей, буквально боготворивших эту невысокую, хрупкую актрису, сначала звезду - повелительницу киногрез, а затем королеву песни. В 1999 году Американский институт киноискусства опубликовал список 25 величайших актрис, внесших наибольший вклад в развитие американского кинематографа. В этом списке она попала в первую десятку самых-самых. Это говорит хотя бы о том, что интерес к столь неординарным личностям не угасает и сегодня.

В издательстве «Текст» вышла книга **Нормы Боске и Мишель Рахлин «Марлен Дитрих: последние секреты»**, перевод с французского Дмитрия Савосина.

Книга представляет собой свидетельства и размышления компаньонки и друга Марлен Дитрих Нормы Боске, хорошо знавшей актрису с 1977 года до самой кончины в 1992 году. Естественно, ее жизнь особой таинственностью не отличалась, в нашей стране дважды (в 1985 и 1997 годах) выходили ее автобиографические книги. Примечательно, что переводчиком первой была замечательная певица Майя Кристалинская. Из них можно было узнать сведения биографического характера, вкусовые предпочтения, некоторые психологические особенности Марлен. Она называла поименно свое блистательное окружение: писатели, актеры, режиссеры, композиторы - интеллектуальная элита своего времени. Но если человек ей не нравился, то его уничтожительная характеристика давалась, невзирая на авторитет.

Марлен Дитрих не терпела притворства и фальши. Однако последние пятнадцать лет жизни разительно отличаются от предыдущего насыщенного концертно-гастрольного существования. В Сиднее, в последнюю неделю турне по Австралии, Марлен отступилась на сцене и серьезно повредила левую ногу. О выступлениях можно было забыть. Где-то с этого момента и раскрываются «последние секреты». Лишенная былой подвижности актриса запира-

ется в своей парижской квартире, и отныне ни один поклонник не увидит отпечатки времени и следы болезни на ее лице и теле. Что происходило за дверями, куда имел доступ лишь ограниченный круг obsługi? Норма Боске отвечает на этот вопрос исчерпывающе полно.

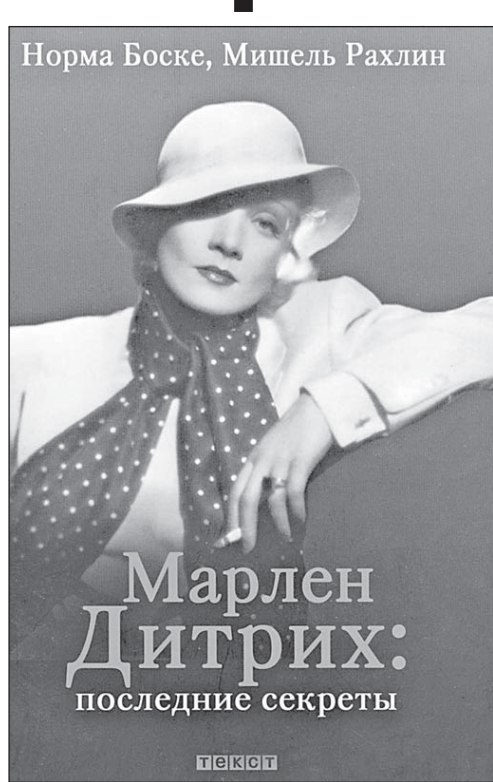
То было не тихое существование пенсионера-инвалида, а довольно бурная деятельность по созданию и поддержанию собственной мифологии. Легенда о неуязвимой Марлен будет ежедневно твориться в течение пятнадцати лет, упрямо, изборожденно и по-немецки педантично. Как ей это удалось, и есть главный секрет. Книга ни в коем случае не о физическом увядании, старении и смерти уставшего кумира (хотя имеет соответствующие подробности), а гимн величии человеческого духа, его силе и целеустремленности.

Норма Боске достаточно открыто говорит о своей подруге, не идеализируя ее, слова «взбалмошная эгоголичка» вполне применимы в данном контексте. Но с другой стороны, «Марлен и не была великой актрисой! Она была великой женщиной». Ибо только такая женщина в неполные 90 лет на равных могла беседовать с президентами и политиками, и те прислушивались к ее мнению. Ведь Марлен Дитрих сохранила острый, критичный ум, работоспособность и неизменный интерес ко всему человечеству.

Это тоже один из секретов, как можно сохранять притягательность, будучи затворницей. Все дело в своей-статье натуре, воспитании, тяги к самосовершенствованию. Она постоянно читала художественную литературу, газеты, журналы, смотрела телевизор, отвечала на письма поклонников - хотела все знать. Ее страсть к телефонным разговорам иронично переосмыслена в собственном афоризме: «Настоящий друг - это человек, которому можно позвонить в четыре часа утра». А высказывание о собственном состоянии: «Старые люди осознают оскотенность своего тела, но отнюдь не духа» - и вообще на уровне Ларошфуко.

Политическая мудрость у нее сочеталась с беспомощностью в собственных финансовых вопросах, за съемную квартиру нечем было платить, при том что десятилетия концертной деятельности были хорошо оплачиваемыми.

Вообще парижская жизнь актрисы парадоксальна - переживая за

Марлен Дитрих: последние секреты

Политическая мудрость у нее сочеталась с беспомощностью в собственных финансовых вопросах, за съемную квартиру нечем было платить, при том что десятилетия концертной деятельности были хорошо оплачиваемыми.

Вообще парижская жизнь актрисы парадоксальна - переживая за

возрастные изменения на лице, она не обращалась ни к дантистам, ни к врачам-косметологам, ни к парикмахерам, постоянно нуждаясь в деньгах, оплачивала отпуск прислуге. Страдая от одиночества, отказывалась в посещениях многочисленным друзьям. Как все это величественно и безжалостно по отношению к себе, но такова Марлен Дитрих. Очень красиво высказался муж Нормы писатель Ален Боске: «В царстве видимостей ваш образ цел и невредим». Слова понравившись и успокоили Марлен, ведь, кроме судьбы мира, это волновало ее больше всего. Александр ПЛЕТНЕВ.

Корсакова Татьяна. Прозаический дар. Роман. Серия «Знаки судьбы». 320 с.
Мартино Элла. Кулинарные секреты итальянской мамы. Рецепты и традиции. Серия «Кулинария. Авторская кухня». 304 с., ил.
«Эксмо» Канес Саша. Шоколадная ворона. Роман. Серия «Страсти женского рода». 288 с.

ния медными трубами. Повести и рассказы. Серия «За чужими окнами. Проза М. Метлицкой». 288 с.
Муравьева Ирина. Жизнеописание грешницы Адель. Рассказы и повести. Серия «Большая литература. Ирина Муравьева». 288 с.
Метлицкая Мария. Испытания. 5-я стр., 20 февраля 2012 года, «МОСКОВСКАЯ ПРАВДА»

